

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК Я ЗАНОВО НАУЧИЛСЯ
ГОВОРИТЬ С МИРОМ

КОГДА ИСЧЕЗЛИ СЛОВА

ПАВЕЛ ГАЛЬЦОВ

Павел Гальцов

Когда исчезли слова

«Автор»

2026

Гальцов П.

Когда исчезли слова / П. Гальцов — «Автор», 2026

Эта книга исповедь человека, чья жизнь однажды вечером раскололась на «до» и «после». У него случился инсульт. Он отнял речь, личность, уверенность в себе, будущем. Остались только страх перед неизвестностью, тишина больничной палаты и мучительные попытки произнести простейшее слово. Но спустя годы, пройдя долгий путь восстановления через преодоление и тяжёлую работу над собой, он смог вернуться к обычной жизни. Он разговаривает, работает, смеётся, путешествует, строит планы. Слово «обычный» стало самым прекрасным словом, которое он знает. Его победой над болезнью, страхом, бессилием и неверием в себя. Книга для, кто, как и он, перенёс инсульт, а также их близким тем, кто рядом в трудную минуту. Не из жалости, а ради тихой поддержки словом, действием, пониманием. И ради общей надежды на восстановление. Не в одиночку, но сообща. Путь: ежедневный труд, который состоит из тысяч маленьких шагов вперёд, через веру в себя и самое важное через помощь тех, кто вокруг: родных, друзей, врачей.

© Гальцов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Павел Гальцов

Когда исчезли слова

Глава

Павел Гальцов

Когда исчезли слова

Предисловие

Это книга о людях, которые помогли мне вернуться к нормальной жизни после инсульта. Книга о моей семье, врачах, логопедах, друзьях. О Создателе.

Первое, что пришло в голову, когда я понял, что у меня инсульт —

«Ты ни в чём не виноват. Ни в чём. Ты не пил, не курил, работал, любил жену и детей. Старался быть хорошим сыном. Следил за своим здоровьем. Да, бывало, нервничал. Но разве нервничать возбраняется — законом или кем-то свыше?»

Я повторял эти слова снова и снова, как заклинание.

Я ещё не знал тогда, что совсем скоро потеряю речь — не голос, нет. И не память и не способность понимать других. Я потеряю слова.

Все предыдущие сорок шесть лет слова были рядом со мной. Я дружил — со словами, учился — со словами, работал — со словами, убеждал людей и делал себе карьеру — со словами. Любил — и говорил слова.

А потом слова исчезли.

Эта книга — не медицинское пособие и не история о чудесном исцелении.

Это — рассказ о том, как человек однажды просыпается в другом мире. В мире, где он по-прежнему понимает всё, что происходит вокруг, но больше не может выразить ни одной своей мысли — словами.

Я написал эту книгу для тех, кто, как и я, пережил инсульт. Для их близких. Для тех, кто хочет понять, что чувствует человек, потерявший речь. И для тех, кто уверен, что уж с ним-то точно ничего подобного не случится.

Когда-то так думал и я...

Жизнь до...

До сорока шести я жил прекрасно.

Родился и вырос в Саратове — старинном купеческом городе на Волге.

Для тех, кто ни разу там не бывал — представьте себе город, в котором одновременно чувствуешь провинциальную неспешность и какую-то внутреннюю интеллигентность. Именно таким я его запомнил

Я учился в обычной средней школе. С ленцой занимался борьбой. С ленцой ходил в музыкальную школу — учился играть на кларнете. Пытался освоить гитару. В общем, ничего особенного. Всё как у всех.

После седьмого класса поступил в знаменитую саратовскую физико-математическую школу №13. Скажу честно: математического таланта у меня отродясь не бывалоне было. Я оказался там вовсе не потому, что в будущем мечтал стать великим физиком или математиком. Просто в нашем городе так было принято: порядочные дети интеллигентных родителей учились именно в тринадцатой школе. И моя мама очень хотела, чтобы я оказался среди них.

Мама была врачом-фониатром¹. Она помогала сохранять голоса певцам Саратовского театра оперы и балета, преподавателям, артистам и просто всем тем, для кого голос был профессиональным инструментом.

Сейчас мне иногда кажется, что в этом была и есть какая-то ирония судьбы.

Всю жизнь мама лечила чужие голоса — а потом её собственный сын потерял речь. Тогда никто об этом, конечно, не думал. В тринадцатой школе у меня очень скоро обнаружился единственный талант — я умел разговаривать. Причём разговаривать хорошо: умел рассказывать разные истории, грамотно рассуждать о прочитанных книгах. О непрочитанных тоже мог — так, будто только что дочитал последнюю страницу.

Я мог рассуждать о будущем, о перестройке, о девушках, о спорте; о вещах, в которых хорошо разбирался, и вещах, в которых ничего не понимал.

Мне всегда было интересно разговаривать с теми, кто меня окружал. И казалось, что людям тоже было интересно разговаривать со мной. Именно тогда я осознал, насколько важны слова в моей жизни.

Впрочем, в те годы я об этом не особо задумывался. Слова были для меня чем-то естественным. Как дыхание, например. Ведь, согласитесь, никому не придёт в голову радоваться тому, что он умеет дышать. Пока однажды дыхание не станет проблемой.

Со словами — примерно то же самое.

Бегство от бедности

Есть люди, которые с детства знают, кем они хотят быть. Я к таким не относился. Зато очень рано понял, кем не хочу быть — бедным.

И мотивировала меня, скорее, не мечта о богатстве, а нежелание оставаться там, куда я попал.

Начало девяностых. Я ещё ребёнок. Выстаиваю вместе с мамой и бабушкой в долгих очередях: за сахаром, маслом, сигаретами, водкой. Мне не нужны ни сигареты, ни водка. Но надо отоваривать талоны. И мы стоим.

Потом появилась дача. Каждые выходные мы с отцом ездили туда работать. Копали, таскали кирпичи, снова копали, снова таскали. Мне кажется, именно в те дни у меня возникла стойкая нелюбовь к дачной жизни.

Я не романтизирую те времена. Они многому меня научили. Но мысленно в них возвращаться мне никогда не хотелось.

Мне хотелось другого — выбраться из бедности, начать жить иначе, иметь возможность выбора. Я тогда ещё не знал красивых слов вроде «социальный лифт» или «экономическая мобильность». Но интуитивно понимал простую вещь: хочешь изменить свою жизнь — выучись и начни работать. Очень много работать. Эта мысль стала главным правилом моей жизни.

По большому счёту, у меня никогда не было хобби. Не было увлечения, которому я отдавался бы так же, как работе. Я любил читать, общаться с теми, кто меня окружает. Любил путешествовать.

Но по-настоящему я умел лишь одно — работать. Мне тогда казалось, что это достоинство. Позже я стал понимать, что у любого достоинства есть и обратная сторона.

Отец

В нашей семье была медицинская традиция. Мама — врач. Старший брат — тоже врач. Какое-то время и я подумывал стать врачом: меня привлекала хирургия и сама идея помогать людям.

¹ Врач-фониатр — специалист, который занимается голосовым аппаратом: диагностикой, лечением и реабилитацией нарушений голоса и речи.

Но судьба распорядилась иначе. И решающую роль в этом, конечно, сыграл отец. Он был инженером медицинской техники — и человеком с сильным характером. С ним трудно было спорить. Да и желания спорить у меня, если честно, не возникало.

Отец считал, что мне нужно получать экономическое образование. И я поступил на экономический факультет университета. Сейчас думаю, что именно оттуда берёт начало тот путь, который спустя много лет привёл меня в банковскую сферу. Хотя тогда я этого не понимал.

В университете я по-прежнему много разговаривал: рассказывал разные истории, шутил, собирая вокруг себя много людей. Но в моей жизни стали появляться и другие навыки, более важные, чем умение говорить.

Ещё когда я учился в одиннадцатом классе, отец перенёс тяжёлую операцию на позвоночнике. Долгое время никто не знал, сможет ли он нормально ходить. К счастью, он смог. Но после его болезни многое изменилось. Вскоре он потерял работу в должности директора одного из предприятий «Медтехники». А потом создал собственную компанию и позвал меня к себе — работать вместе. Так и получилось, что моя настоящая трудовая жизнь началась раньше, чем закончилась студенческая.

— Учёба учёбой, а практика практикой, — сказал тогда отец.

И был прав.

Ещё на втором курсе университета я начал по-настоящему работать. Служебные задания иногда были весьма необычными. К примеру, съездить с грузовиком в Москву за рентгеновской плёнкой. Сегодня это звучит довольно комично, но тогда мне было вовсе не до смеха — двое суток в дороге, спишь в кабине, ешь на ходу. И отвечаешь за результат поездки.

Именно в те дни я понял, что такое настоящая работа — не разговоры и рассуждения о ней, а сама работа, как таковая: физическая и умственная, после которой вечером падаешь от усталости.

Именно в то время отец научил меня ещё одной мудрости: ничто не происходит само по себе. Если хочешь чего-то добиться в своей жизни, приложи усилия — большие усилия.

Этот урок остался со мной навсегда — даже когда я потерял речь.

Когда слова — профессия

После университета я пришёл работать в Сбербанк.

Тогда это был совсем другой Сбербанк. Молодым людям сегодня трудно представить, насколько сильно изменились банки за последние двадцать лет.

В конце девяностых и начале двухтысячных банковская система во многом ещё жила по старым правилам — по инерции советской эпохи. О клиентском сервисе говорили мало. Об «ориентации на клиента» не говорили совсем — за редким исключением. Телефон мог звонить долго, и никто особо не спешил поднимать трубку. Это считалось нормальным. К тому времени я уже успел поработать в семейном бизнесе и привык к другому: звонит клиент — обязательно ответь; задаёт вопрос — помоги. Если пообещал — сделай. Мне это казалось очевидным, но, как выяснилось позже, многим так не казалось.

Наверное, именно тогда я стал понимать, что мои главные способности связаны вовсе не с цифрами. Звучит довольно странно для человека, сделавшего карьеру в банковской сфере. Тем не менее моей сильной стороной была вовсе не математика. Моей сильной стороной было общение с людьми. Мне нравилось знакомиться, разговаривать, договариваться. Нравилось объяснять сложные вещи простыми словами. Нравилось выступать и убеждать. Я никогда не воспринимал это как дар свыше. Мне казалось, что так умеют все. Лишь спустя много лет понял, что ошибался.

Именно благодаря умению общаться я стал расти внутри самой системы. Вначале меня назначили руководителем отдела. Затем появились более серьёзные и ответственные задачи. Больше людей, переговоров, встреч. В двадцать восемь лет я возглавил одно из отделений Сбербанка.

Сегодня, оглядываясь назад, я иногда думаю: как мне вообще доверили такую ответственную работу? Ведь мне было всего двадцать восемь: я многого не знал, не умел, часто ошибался.

Однако, одно я умел точно — разговаривать с людьми: подчинёнными, клиентами, руководителями. С теми, кто был старше и опытнее меня. С теми, кто был сильнее, кого многие предпочитали обходить стороной.

Именно это умение открывало передо мной двери, которые невозможно было открыть никакой должностью. Именно в те годы я начал всё больше понимать ценность слова, речи, способности выразить мысль так, чтобы тебя поняли. И мне казалось, что этот навык останется со мной навсегда. Как навсегда остаётся у человека цвет глаз, рост, собственное имя.

Мне никогда не приходило в голову, что человек может проснуться однажды утром и потерять способность говорить — не потерять голос от простуды, не забыть иностранный язык, не испытывать сложности с подбором нужных слов, а просто — потерять речь.

Такое существовало где-то далеко: в медицинских книгах, страшных историях, чьей-то чужой жизни — но точно не в моей.

Тем временем работа занимала всё больше места в моей жизни. Я рос профессионально. Защитил кандидатскую диссертацию, позднее — докторскую. Эти достижения казались мне тогда важными. Но сегодня, спустя годы, я понимаю: самое ценное, что дала мне та, прежняя жизнь — это не занимаемые должности и не учёные степени. Это тысячи разговоров, встреч, историй. И просто возможность каждый день общаться с людьми.

Инсульт попал точно в цель. Он забрал у меня не просто речь, но самый важный инструмент, с помощью которого была построена почти вся моя жизнь.

Я понял это не сразу — позже.

Когда однажды не смог произнести слово «мама».

Оля

Сентябрь 2001 года. Мы с друзьями решили встретиться, посидеть в кафе, поговорить о жизни — нам казалось, что она ещё вся впереди. Когда тебе двадцать с небольшим, всегда так кажется.

Кафе находилось на центральной пешеходной улице Саратова. Мы болтали, смеялись, что-то отмечали.

За соседним столиком сидели две девушки. Одной из них была двоюродная сестра моего лучшего друга. Другую звали Оля.

Я не помню, о чём именно мы тогда с ней говорили и кто первым начал беседу. Не помню даже, что на ней было надето. Зато хорошо помню другое — она мне сразу понравилась. Такое иногда бывает, и этому нет логического объяснения. Просто понравилась. Без прич

Я попросил у неё номер телефона. Оля отказалась, причём наотрез. Мне это показалось странным: как? Она отказала? И кому — мне?

Смешно сейчас вспоминать собственную самоуверенность. На следующий день друзья всё же раздобыли её номер и передали мне. Так началась история, которая продолжается по сей день.

Думаю, скажи мне кто-нибудь тогда, что через двадцать лет эта девушка будет сидеть возле моей реанимационной койки в чужой стране и ждать окончания операции на мозге, я бы решил, что этот человек просто спятил.

Но жизнь вообще плохо вписывается в наши планы.

Мы начали встречаться: ходить в кино, в театр, просто гулять. Общались с друзьями, строили планы, в общем — жили обычной жизнью молодых людей.

Я тогда уже работал в банке. Оля тоже строила свою карьеру. Она в совершенстве владела английским — училась в английской школе и год провела на стажировке в Техасе по образовательной программе. До сих пор не понимаю, как её родители решились отпустить юную

девушку в другую страну, где не было ни родственников, ни друзей, ни привычной среды. Наверное, они просто очень хорошо знали свою дочь.

Оля всегда была сильной: спокойной, собранной, надёжной и удивительно стойкой. Меня всегда восхищала именно эта стойкость. Восхищает и сейчас, но только сейчас я начинаю понимать её истинную ценность.

В молодости мы часто влюбляемся в качества человека, не представляя, насколько важными они однажды могут оказаться. Мне нравились её самостоятельность, её характер, ум, способность принимать решения. Но я не мог тогда знать, что именно эти качества помогут ей однажды пройти через самый тяжёлый период нашей жизни.

Спустя много лет после нашего знакомства один пожилой человек как-то сказал мне:

— Мужчине нужно настоящее везение только один раз — когда он выбирает жену.

Тогда я просто запомнил эти слова. Сегодня думаю, что он был прав.

Деньги приходят и уходят. Карьера начинается и заканчивается. Меняются должности. Меняются страны. Даже здоровье не вечно. А человек рядом с тобой остаётся. И именно в этот момент ты понимаешь, насколько тебе повезло с выбором.

До инсульта я просто любил свою жену. После инсульта я ещё и понял масштаб её силы. Это разные вещи. Очень разные.

К 2021 году наша жизнь выглядела вполне благополучно. Мы жили в Москве. Сын учился в школе. Подрастала дочь. Я работал в Сбербанке. Оля строила успешную международную карьеру.

Со стороны всё выглядело ровно и правильно. Наверное, так и должна выглядеть жизнь, когда кажется, что у тебя всё под контролем.

Потом Оле предложили работу в Женеве — хорошую работу. Это был большой шаг вперёд: новые возможности, новая страна. Я долго не раздумывал. Мне казалось естественным поддержать её. За годы совместной жизни мы много раз помогали друг другу двигаться вперёд. И теперь вновь настала моя очередь.

Я был уверен в себе: уверен, что найду работу, что всё будет в порядке, что впереди ещё много времени. Как потом оказалось, человек очень часто бывает уверен совсем не в том, в чём следует быть уверенным.

Первыми в Швейцарию улетели Оля с сыном. Потом приехали мы с дочкой. Стали устраиваться на новом месте — новая квартира, новый город, новая жизнь.

Мне нравилось смотреть в окно на горы. Нравилось думать о будущем.

Я и представить себе не мог, что всего через несколько дней буду стоять у того же окна и в последний раз видеть мир таким, каким видел его до сих пор.

Инсульт

Это был второй день моего пребывания в Швейцарии. Обычное субботнее утро. Жена и дети ещё спали.

Я проснулся рано: побродил по дому, подошёл к окну — увидел аккуратные домики, горы, безоблачное небо. Вокруг тишина — такая бывает разве что по утрам, когда день только начинается. Я стоял у окна и с удовольствием смотрел на всё это. Приятно было сознавать, что начинается новый этап нашей жизни: новая страна, новые возможности, новые планы.

Именно в этот момент я понял, что левый глаз видит как-то странно — не полностью. Будто кто-то закрыл часть изображения. Я несколько раз моргнул — ничего не изменилось. Проверил очки, посмотрел вдаль, на предметы вокруг себя — нет, зрение было явно ни при чём. Я много лет носил очки и хорошо разбирался в подобных нюансах.

Это было что-то другое.

Первая мысль — у меня гипертонический криз. Почему именно эта мысль пришла в голову, не знаю. Наверное, потому что ничего более серьёзного я не рассматривал. Инсульт точно не входил в перечень возможных объяснений.

Инсульт мог случиться с кем-то другим — но не со мной.

Когда проснулась Оля, я сказал, что чувствую себя неважно и мне лучше остаться дома. Она уехала с детьми.

Я снова лёг спать. Когда проснулся, ничего не изменилось — глаз по-прежнему видел только часть картинки.

Вернулась жена. Мы позвонили в страховую компанию, и я начал объяснять ситуацию. Во время разговора заметил новую странность: изменилась речь. Она стала медленной, тяжёлой. Слова будто застревали внутри. Голос звучал непривычно, словно был чужим.

Одновременно что-то происходило с правой рукой: она двигалась медленнее обычного. Как будто мой мозг отдавал команды телу с небольшой задержкой — совсем небольшой, но ощутимой. Оля тут же отвезла меня в клинику.

Сейчас я часто думаю о том, сколько важных событий произошло в тот день. Случайных или нет, не знаю. Но точно знаю одно: если бы я остался дома ещё на пару часов, эта история могла бы закончиться иначе.

В клинике меня тотчас обследовали: сделали МРТ, доплерографию. Поставили капельницы. Через некоторое время зрение полностью восстановилось.

Я почувствовал огромное облегчение: кризис миновал и можно ехать домой. Так я думал, во всяком случае.

Но врачи думали иначе. Они ничего не объясняли — просто оставили меня в клинике ещё на один день.

Тогда это показалось мне странным, но сегодня я считаю это одним из самых важных решений в моей жизни — пусть и не моих.

Следующий день начался спокойно, и так продолжалось до определённого момента. Я был уверен, что скоро окажусь дома. Наверное, поэтому очень хорошо помню ощущение *обычности* происходящего.

Ничто не предвещало катастрофы, но около четырёх часов дня всё изменилось — настолько быстро, что я даже не успел испугаться. Я почувствовал, что мне становится плохо. Потянулся к кнопке вызова медсестры. Нажал её.

Когда сестра вошла в палату, я попытался объяснить ей, что со мной. И не смог — изо рта вырвалось что-то похожее на мычание. Не было ни слов, ни фраз, ни речи — были какие-то разрозненные звуки.

Я попробовал ещё раз — то же самое. И тогда я понял — это инсульт.

До сих пор не понимаю, откуда взялась эта уверенность, но сомнений не было — я потерял речь. И мне стало по-настоящему страшно. Не потому, что я мог умереть — о смерти я тогда вообще не думал. Страшным было другое: ещё минуту назад я мог говорить. Теперь — не мог.

Мир вокруг меня не изменился. Я по-прежнему понимал всё: что говорят врачи, где я нахожусь, что со мной происходит. Но сам больше не мог произнести ни слова — ни единого слова.

Дальше память становится фрагментарной — как старый фильм с вырезанными кадрами: МРТ, лица врачей, громкая английская речь. Кто-то объясняет мне, что меня готовят к операции. Я всё понимаю, но при этом не испытываю никаких чувств: ни паники, ни ужаса, ни отчаяния. Будто чувства тоже временно отключились.

А затем — провал. И снова чьи-то голоса, попытка открыть глаза. И темнота.

Следующее ясное воспоминание — палата интенсивной терапии. Рядом сидит Оля и держит меня за руку. Я смотрю на неё — она смотрит на меня. И я впервые после операции понимаю одну простую вещь — я жив.

Всё остальное будет потом.

Первые слова

Когда я очнулся после операции, рядом сидела Оля и держала меня за руку. Я смотрел на неё и понимал, кто это. Понимал, где нахожусь и что произошло. Понимал, что врачи спасли мне жизнь. Но при этом не испытывал ни страха, ни радости.

Сейчас это трудно объяснить. Наверное, потому, что после инсульта человек существует в несколько другой реальности. Он всё понимает, но воспринимает происходящее иначе.

Позднее я прочитал книгу нейробиолога Джилл Болти Тейлор, которая сама пережила инсульт. Она описывает похожее состояние: мозг продолжает работать, но привычный внутренний мир меняется — что-то исчезает, что-то отключается, что-то начинает работать совсем по-иному.

У меня не было эйфории, о которой пишет Джилл, но и паники не было. Я просто лежал и мысленно повторял про себя: «Ты ни в чём не виноват — ни в чём». Будто пытался убедить в этом самого себя. Или простить. Не знаю.

Настоящий ужас пришёл позже — когда я осознал масштаб случившегося. Вначале мне казалось, что речь вот-вот вернётся. Ну не может человек просто взять и перестать говорить. Наверное, это временно и завтра станет лучше — или послезавтра, или через неделю...

Но дни шли, а речь не возвращалась. Я понимал абсолютно всё. Даже когда медсёстры говорили со мной по-английски, я улавливал каждое слово. Когда врачи что-то мне объясняли, до меня доходил смысл. Когда со мной разговаривала жена, я понимал её.

Проблема была в другом — я не мог отвечать. Будто между мыслью и языком разорвалась связь. Мысль возникала, и я отчётливо её «видел». Но она не могла выйти наружу. Оставалась внутри.

Это сложно объяснить человеку, который никогда не сталкивался с афазией. Представьте себе: вас заперли внутри собственного сознания. Вы всё понимаете, всё помните, знаете ответы на все вопросы — но не можете произнести ни одного слова.

А по-настоящему страшно мне стало тогда, когда я попытался произнести самые простые слова — слова, которые человек узнаёт раньше всех остальных: «мама», «папа», «я», «да», «нет». Ничего не получалось. Я пытался снова и снова. Безрезультатно. И я понял, что всё намного серьёзнее, чем мне представлялось.

Помню момент, когда обнаружил, что не могу произнести имён собственных детей: Семён, Кира.

Казалось бы, что может быть проще — назвать имена тех, кого любишь больше всего на свете? Но даже они начали распадаться внутри моего сознания. Я не забывал своих детей — помнил, кто они, как выглядят. Не забывал ни одного события в нашей жизни. Но слова перестали меня слушаться, и это было страшнее всего — страшнее, чем парализованная рука, операция, больница и лекарства. Именно слова — которые исчезли.

Очень скоро во мне поселился новый страх, и он был сильнее страха за самого себя. Мой сын Семён — я всё время думал о нём. Ему было двенадцать — возраст, когда мальчик начинает внимательно смотреть на отца и пытается понять, каким мужчиной он должен стать.

Я лежал в больничной палате и думал: «А что будет дальше? Что, если речь не вернётся? Никогда? Что я смогу рассказать ему через пять, десять лет? Кем я буду для него? Отцом или просто больным человеком, который когда-то много говорил?.. Или стану для него напоминанием, что жизнь может измениться в одно мгновение?» Эти мысли не давали мне покоя — ни днём, ни ночью. Они были со мной постоянно.

Раньше я никогда не задумывался, насколько важны слова и речь для отношений между людьми. Мне казалось, что любовь существует сама по себе: дети знают, что ты их любишь. А близкие всё понимают и *без слов*.

После инсульта я начал смотреть на это иначе. Слова — это не просто способ передавать информацию. Это способ быть рядом: объяснять, поддерживать, успокаивать, просить прощения, говорить, что любишь.

И вот всего этого у меня не стало. Именно тогда я впервые почувствовал настоящее одиночество — хотя рядом была жена, звонили друзья, приезжал брат, беспокоилась мама. Все они были рядом. И я бесконечно благодарен им за это.

Но в моей жизни существовало место, куда никто не мог войти — место, где я оставался один на один со своей немотой и — одним и тем же вопросом, который повторял каждый день:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.